

Переступив порог сыхэюаня, Цзи Шухуа и его сын окончательно убедились: жизнь старшего брата не имела ничего общего с нуждой. Хотя в те годы цены на недвижимость были невысоки, подобный просторный дом в престижном районе всё равно оставался роскошью, доступной лишь немногим.

Юаньцзин и Цзян Циншань недолго развлекали гостей беседой. Вскоре Чанлинь настойчиво выставил молодых из комнаты. Для них это была, по сути, первая брачная ночь, и отцу совсем не хотелось, чтобы они тратили время на стариков.

Оставшись наедине с братом, Цзи Шухуа не смог сдержать любопытства и принялся расспрашивать о жизни племянника. Чанлинь с нескрываемой гордостью поведал историю успеха Юаньцзина, от которой не только у него, но и у Минъюя глаза полезли на лоб.

Выяснилось, что Юаньцзин начал изучать медицину у старого наставника еще в деревне, будучи «образованным юношей». Как только восстановили систему экзаменов, он поступил в лучший университет, и теперь мастерски совмещал методы восточной и западной медицины. Юноша прошел суровую школу военно-полевого госпиталя и вместе с учителем разработал несколько востребованных препаратов. Более того, он сам основал базы по выращиванию лекарственных трав. Цзи Чанлинь особо подчеркнул: во всём этом не было ни капли его помощи — сын проложил себе путь исключительно собственным талантом и упорством.

Слушая это, Шухуа чувствовал лишь одно — острое недовольство собственным отпрыском. Такой человек, как Юаньцзин, добился бы успеха в любую эпоху. Пока Минъюй готовился просто унаследовать семейное дело, его кузен с нуля выстроил собственную империю.

Среди гостей на банкете присутствовало немало светил медицины. Тогда дядя не придавал этому значения, но теперь, слушая рассказ брата, мог лишь восхищенно цокать языком. О статусе Цзян Циншаня и говорить не приходилось: боевой офицер, полковник, заслуживший своё положение кровью на полях сражений.

Всё это заставило Цзи Шухуа в корне пересмотреть своё отношение к старшему брату. Изначально он вернулся в Китай со своим маленьким корыстным расчетом. Огромное состояние, оставленное отцом Чанлиню, за годы управления в Америке превратилось в баснословное богатство. Остальные родственники в Штатах уже вцепились друг другу в глотки из-за него, и Шухуа тоже не хотелось отдавать такую долю. Он полагал, что Китай — страна отсталая, и он сможет отделаться от брата какой-нибудь скромной суммой, за которую тот еще и будет ему по гроб жизни благодарен.

Теперь он понял, как глубоко заблуждался. Если он хотел развивать дела на родине, ему самому не помешала бы поддержка семьи брата. Вопрос о том, как поступить с наследством, теперь требовал куда более тщательного обдумывания.

Пока отец и дядя строили планы, Юаньцзин и Цзян Циншань, уложив Нью Гуйлань отдыхать, наконец остались наедине. Наступил момент, которого оба ждали с трепетом и волнением.

Циншань шел по коридору так напряженно, будто маршировал на параде, выбрасывая руки и ноги невпопад. Юаньцзин, который и сам поначалу нервничал, не выдержал и звонко рассмеялся, глядя на это зрелище.

В доме, кроме них, никого не осталось — тетушка ушла в другую часть двора к отцу. Видя, как партнер заходится в смехе, Цзян Циншань внезапно ощутил прилив безрассудной смелости. Он рванулся вперед, подхватил Юаньцзина на руки и, прижав к дверному косяку, жадно впился в его губы.

Хотя их союз был предрешен давно, до этого дня они строго соблюдали приличия. Самое большее, что они себе позволяли — это украдкой держаться за руки, когда никто не видит. Их отношения были до крайности целомудренными.

Но теперь всё изменилось. В глазах мужчины они были официально признаны семьей, и он имел полное право закрыть дверь и предаваться ласкам сколько душе угодно. Однако стоило их губам соприкоснуться, как он внезапно замер в растерянности.

Юаньцзин почувствовал его жаркое, прерывистое дыхание на своем лице, и сердце его окончательно растаяло. Он сам обхватил голову Циншаня руками, притягивая его ближе, и приоткрыл рот, вовлекая его в глубокий, томительный поцелуй.

Это было подобно искре, упавшей в бочку с порохом. Вспыхнувшая страсть мгновенно захлестнула Цзян Циншаня, сметая все последние преграды. Сплетясь в объятиях и не прекращая целоваться, они, спотыкаясь, поспешили в спальню.

Эта ночь казалась бесконечной.

***

Двое неопытных любовников провели в неистовых ласках большую часть ночи, но привычка просыпаться на рассвете всё равно заставила их открыть глаза рано. Впервые проснувшись, обнимая любимого человека, и увидеть его лицо первым делом — это было непередаваемое чувство. На губах мужчины вновь заиграла та самая блаженная улыбка, не сходившая с его лица последние дни.

Заметив на белоснежной коже Юаньцзина оставленные им багровые отметины, он почувствовал, как дыхание участилось, а внизу живота вновь зародилось знакомое томление. Но он вовремя взял себя в руки: он понимал, что и так измотал супруга за ночь. С трудом оторвавшись от него, Циншань поднялся, чтобы приготовить завтрак для партнера и матери, а заодно проведать отца в другом крыле.

Стоило ему встать, как Юаньцзин проснулся. Цзян Циншань склонился над ним и нежно коснулся губами его щеки:

— Спи еще, я сам приготовлю завтрак и принесу тебе в постель.

Юноша окончательно пришел в себя и негромко фыркнул:

— Ты меня совсем за хрупкую вазу держишь? Ладно, иди на кухню, не беспокойся обо мне.

— Точно?

— Точнее не бывает. Иди уже, — Юаньцзин в шутку шлепнул его пониже спины.

Циншань поверил и вышел, не подозревая, что это резкое движение отозвалось в теле его супруга острой вспышкой боли. Как только дверь закрылась, Юаньцзин с трудом потянулся к тумбочке за мазью, которую приготовил сам заранее. Смазывая ноющее тело и шипя от боли, он мстительно подумал, что однажды заставит и Циншаня испытать нечто подобное... Впрочем, вспоминая прошедшую ночь, он признавал: удовольствия было куда больше, чем боли.

Похлопав себя по пылающим щекам, Юноша поспешил умыться.

Первые дни их совместной жизни были полны такого счастья, что мир вокруг перестал существовать. Цзян Циншань буквально парил над землей, искренне полагая, что все предыдущие тридцать лет он и не жил вовсе. Жизнь с любимым человеком была прекрасна.

Они часто виделись с дядей и кузеном, но Юаньцзин воспринимал их просто как обретенных родственников и не слишком интересовался их мотивами.

Отпуск Циншаня длился всего месяц, и половина срока уже пролетела. Вскоре ему предстояло уехать, чтобы забрать детей, которых они решили усыновить. Только тогда Юаньцзин нашел время серьезно поговорить с отцом о делах родственников.

Цзи Миньюй, как человек молодой и энергичный, вооружившись картой, целыми днями таскал отца по городу, так что им даже не требовался проводник.

— Папа, второй дядя приехал только ради встречи с семьей? — спросил Юаньцзин напрямую.

Цзи Чанлинь вздохнул:

— Хорошо, что ты спросил, я как раз хотел обсудить это с тобой. Твой дядя хочет

инвестировать в твой бизнес — открыть фармацевтический завод для производства твоих лекарств. Я ответил, что это решать тебе. Я в твои дела не лезу.

Юноша ответил, не раздумывая:

— Папа, откажи ему. Я и сам могу открыть завод, просто сейчас не время, момент еще не настал. К тому же, учитывая наш с Циншанем статус, привлекать иностранный капитал — плохая идея. Пусть он мне родной дядя, но по бумагам это зарубежные инвестиции.

Чанлинь согласился. Цзян Циншань — кадровый военный, и требования к его окружению были крайне суровыми. К тому же их союз не был секретом для начальства полковника, а значит, на Юаньцзина смотрели как на супруга офицера. В таких делах нужно было строго соблюдать осторожность.

— Ты прав. Тогда я откажу ему. Нам сейчас и так хватает денег, незачем заглядываться на богатства из Америки, — старик мыслил трезво. Сколько бы ни было денег, на тот свет их не заберешь, а сын и так всего добился сам.

Такой ответ явно обескуражил Цзи Шухуа и его сына. Им и в голову не могло прийти, что кто-то откажется от предложенных инвестиций. Когда Чанлинь передал доводы Юаньцзина, Шухуа понял, что настаивать бесполезно.

Мужчина лишь тяжело вздохнул. В Америке его родственники грызлись за каждый цент, а здесь люди с легкостью отказывались от состояния.

— Брат, — заговорил он после долгой паузы, — ты не понимаешь. Перед смертью отец только о тебе и матери и думал. В завещании он четко указал: часть активов семьи Цзи принадлежит твоей ветви.

Несмотря на все достоинства Циншаня, Шухуа по-прежнему считал, что старший брат зря одобрил этот союз. Ведь так линия Чанлиня прервется. Кому достанется всё это наследство? Ради чего они трудились всю жизнь, если не ради того, чтобы передать дело детям и внукам?

Цзи Чанлинь на мгновение замер. Отец перед смертью вспоминал о них? Он всегда думал, что старик давно забыл об их существовании. Ведь дед никогда особо не ценил старшего сына, считая его слишком мягким книжником, не приспособленным к бизнесу. Да и как у него могло остаться место для его матери в сердце, полном наложниц?

За эти дни он наслушался от Шухуа о дразгах между сводными братьями и сестрами и понял: единства в той семье нет. Помня слова сына, отец еще меньше хотел ввязываться в битву за наследство. Для этого пришлось бы лететь в Америку и погружаться в этот хаос.

— Брат, все эти десятилетия я был рядом с матерью, а ты — рядом с отцом. Ты заботился о нем,

ты развивал бизнес. Будет справедливо, если всё останется тебе. Мне это ни к чему. Посмотри на мою жизнь — изменят ли эти вещи хоть что-то? Если нужны какие-то подписи или документы — скажи, я всё сделаю.

Сидевший рядом Цзи Миньюй едва не выронил челюсть, услышав, как дядя отказывается от колоссального состояния.

— Дядя, вы хоть представляете, о скольких миллионах долларов идет речь?

Цзи Чанлинь лишь добродушно улыбнулся:

— Когда денег слишком много, они превращаются просто в цифры. В нашей стране сейчас такие суммы и тратить-то некуда. Я уже старик, а Юаньцзин сам умеет зарабатывать, он мальчик скромный. Так что пусть всё остается как есть.

Миньюй лишился дара речи. Он видел, что Чанлиню действительно глубоко безразличен размер этого счета.

Цзи Шухуа стало нестерпимо стыдно. Перед поездкой он мелочно мечтал прибрать эти деньги к рукам, а оказалось, что брату и его сыну они просто не интересны.

— Если тебе так неловко, — продолжил Чанлинь, — то лучше инвестируй эти средства здесь, в Китае. Нашей стране они сейчас нужнее.

— Но разве ты не... не затаил обиду за все эти годы? — изумленно спросил Шухуа. Он знал, как тяжело пришлось брату, и не мог понять, как после всех страданий тот может так искренне заботиться о благе государства.

— Это просто капризы судьбы, — спокойно ответил Чанлинь. — Вы уехали в Америку, мы остались здесь — такова жизнь. На кого обижаться? Это моя родина, и я хочу, чтобы она процветала. Если ты инвестируешь здесь сейчас, то в будущем это принесет огромные плоды. Наша страна станет только лучше.

Эти слова произвели на Шухуа и его сына неизгладимое впечатление.

После долгих раздумий, поездок по стране и консультаций со старшим сыном в Америке, Цзи Шухуа решил последовать совету брата. Для начала он решил вложить небольшую сумму, чтобы прощупать почву.

Младшего сына он оставил в Китае курировать эти проекты, а сам начал курсировать между Пекином и Штатами. Он хотел наладить дела, пока еще были силы, чтобы позже вернуться на родину и встретить старость рядом с братом. Жизнь в сыхэюане казалась ему всё более привлекательной.

Главное же — за это время он понял, насколько велик талант племянника в медицине. Он видел, как Юаньцзин буквально поставил отца на ноги после всех лишений. В старости люди больше всего боятся болезни и отсутствия хорошего врача, а лучшего лекаря, чем Юаньцзин, было не найти.

Инвестиции семьи Цзи из Америки привлекли внимание властей. Им обеспечили режим максимального благоприятствования, надеясь привлечь еще больше капитала и технологий. Цзи Миньюй даже стал героем репортажа на центральном телевидении как пример «патриотичного предпринимателя-репатрианта». В сюжете также упомянули о связи его семьи с родиной.

***

По иронии судьбы, именно этот выпуск новостей смотрели Шэнь Хуэйцзюань и Чжэн Хуа. На экране мелькнули кадры, где Цзи Миньюй перерезает ленточку на открытии нового завода, а среди почетных гостей были Цзи Юаньцзин и его отец Цзи Чанлинь. Хотя они появились лишь на мгновение, женщина мгновенно узнала их и застыла как громом пораженная.

Чжэн Хуа среагировал чуть позже. Он никогда не видел Цзи Чанлиня, а Юаньцзина помнил лишь смутно. Но фамилия Цзи была для их семьи проклятием, и, видя состояние матери, юноша сразу всё понял. Его лицо потемнело от ярости.

— Мама, это они?! Это семья Цзи Юаньцзина? Это к ним приехали богатые родственники?! — его голос сорвался на крик.

Даже на маленьком черно-белом экране было видно, насколько эти люди полны жизни, сил и достоинства. Глядя на них, Чжэн Хуа почувствовал, как в груди закипает бешеная обида. В глубине души ему казалось, что этот блеск, этот успех должны были принадлежать ему — ведь они были так близко!

Она вновь почувствовала, как раскаяние грызет её сердце. Если бы не её минутная слабость, если бы она не предала их тогда... Женщина опустила голову, вытирая слезы.

— Да, это они. Твоего брата тоже показали...

Услышав это, юноша, чья жизнь сейчас представляла собой жалкое зрелище, окончательно потерял контроль. Вид чужого триумфа привел его в бешенство. Тот вскочил и одним ударом перевернул стол. Хуэйцзюань вскрикнула и поспешно отступила назад.

— Сяо Хуа, что с тобой?!

— Что со мной?! Ты еще спрашиваешь?! — взревел сын. — Посмотри на своего другого сына, посмотри, как он сияет! А теперь посмотри на меня! Я же как кусок грязи в подворотне! Ты

этого хотела?! Если бы не ты, я бы сейчас не гнил в этой дыре!

— Я мог бы быть сыном семьи Цзи! Почему я должен носить фамилию Чжэн?! Если бы ты не раздвигала ноги перед кем попало, я бы не был таким ничтожеством! Это ты во всем виновата! Ты меня сгубила!

Хуэйцзюань знала, что ребенок недоволен ею, но услышать такие слова — прямое обвинение в распутстве — она была не готова. Она задрожала всем телом, словно от удара молнии.

По телевизору продолжали дикторским голосом зачитывать новости. Не в силах выносить этот контраст, Чжэн Хуа схватил табурет и со всей силы швырнул его в экран.

Раздался звон разбитого стекла, и телевизор погас.

Мать даже не пыталась его остановить. Она лишь в ужасе смотрела, как юноша в припадке безумия крушит их небогатое жилище, превращая его в руины. Наконец он выбежал из дома, хлопнув дверь. Младшая дочь тоже где-то пропадала и не любила возвращаться домой. Вспоминая благородный облик бывшего мужа на экране, Шэнь Хуэйцзюань наконец зашлась в истерическом плаче.

На следующее утро она встала готовить завтрак, но из комнаты сына не доносилось ни звука. Когда к полудню она решилась заглянуть туда, то нашла на столе лишь короткую записку:

«Я уехал на Юг. Не ищи меня. Ты сама разрушила мою жизнь!»

Хуэйцзюань выбежала на улицу, сжимая в руках клочок бумаги:

— Сяо Хуа! Вернись! Это я... это я во всем виновата перед тобой!..

<http://bllate.org/book/15835/1440318>